

3. *Архив* информационного центра Управления внутренних дел по Астраханской области. – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 3. – Л. 63.
4. *Архив* информационного центра Управления внутренних дел по Астраханской области. – Ф. 58. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 206–209.
5. *Архив* информационного центра Управления внутренних дел по Астраханской области. – Ф. 58. – Оп. 4. – Д. 2.
6. *Архив* информационного центра Управления внутренних дел по Астраханской области. – Ф. 64. – Оп. 4.
7. *Архив* информационного центра Управления внутренних дел по Астраханской области. – Ф. 58. – Оп. 1–4.
8. *Государственный архив* Астраханской области. – Ф. Р-2233. – Оп. 4. – Д. 141. – Л. 8–9.
9. *Государственный архив* Российской Федерации. – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 234. – Л. 20–50.
10. *Государственный архив* Российской Федерации. – Ф. Р-9415. – Оп. 5. – Д. 214. – Л. 38.
11. *Государственный архив* современной документации Астраханской области. – Ф. 2738. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 48.
12. *Зенина М. Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы / М. Р. Зенина // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 28.
13. *Индриков З. Я.* Деятельность органов внутренних дел по искоренению беспорядочности и безнадзорности, предупреждению и пресечению преступлений несовершеннолетних / З. Я. Индриков, Л. Ф. Литвинов. – М. : Юридическая литература, 1979. – 120 с.
14. *По законам* мужества и долга : Очерки истории волгоградской милиции. – Волгоград, 1997. – С. 79.
15. *Приоритеты* безопасности // Цит и меч. – 2009. – 14 февр. – № 6.
16. *Советская милиция: история и современность.* 1917–1987 гг. // под ред. Власова А. В. – М. : Мысль, 1987. – 198 с.
17. *Советы* – власть народная. 1917–1983 гг. : сб. документов и материалов. – Волгоград, 1983. – С. 111.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ 1990-х гг.

Л.В. Николаева
(Россия, г. Астрахань)

В статье дается исторический анализ развития государственной социальной политики и социальных отношений в России в 1990-е гг. Автором проводится сравнительный анализ официально провозглашенной государством социальной политики и теми реалиями, с которыми приходилось сталкиваться россиянам в это время. В статье также показаны позитивные и негативные стороны социальной политики российского государства в 1990-е гг. и мера их влияния на социальное положение российских граждан. Коренные преобразования, происходившие в экономике и политике в этом периоде, существенно изменили и социальную структуру российского общества.

Ключевые слова: социальные проблемы, эпоха 1990-х гг., социальная стратификация, либеральные реформы, приватизация, социальный кризис, социальное неравенство.

The article gives the historical analysis of the development of state social policy and social relations in Russia in 1990s. The author makes a comparative analysis of the officially declared state social policy and those realities which Russian people had to face at this period of time. The article also shows positive and negative sides of the social policy in Russia in 1990s and the degree of its influence on social position of the citizens. The major transformations taking place in the economy and politics at that time changed greatly the social structure of the Russian society as well.

Key words: social problems, epoch of 1990s, social stratification, liberal reforms, privatization, social crisis, social inequality.

В социальной политике России 1990-х гг. возникла весьма неожиданная и актуальная проблема, которую можно было обозначить, как «проблема двух полюсов» социальной стратификации. Именно в это время с особой значимостью обозначились две крайние социальные точки – «очень богатые» и «очень бедные». Причем в эти «точки» могли попасть «вчерашние одноклассники», или «родственники» волей судеб оказавшиеся в разных социальных условиях. Российскому обществу и российским

властям так и не удалось решить эту проблему – проблему соотношения этих двух, практически изолированных друг от друга миров. Проблема заключалась еще и в том, что вчерашние граждане «единой России» начинали отгораживаться не только друг от друга (как два антагонизма), но и от всего остального населения.

Постепенно прояснялось, что олигарх и бомж живя в одном и том же государстве, проживали в совершенно разных странах и в разных обществах. Дистанция между ними была столь велика, что можно без преувеличения сказать, что они жили на разных планетах.

В это время сложилась фактически полукриминальное распределение так называемой природной ренты и акцизов, на которых испокон веку стоял российский бюджет. В 1990-е гг. российский бюджет этих стабильных источников дохода фактически лишился. И по сей день остается неясным, какая часть природной ренты присваивается олигархами, а какая достается государству? По некоторым оценкам, эта рента делилась в соотношении 15 к 85 в пользу олигархов. Самые скромные оценки – 40:60. Все 1990-е гг. российские нефтяные бароны активно пользовались этой рентой. Значительная часть этой ренты оседала за границей, на «Виргинских островах», а не вкладывалась в экономику России.

Доход и источник его получения является также одним из важных структурообразующих характеристик. Рост имущественного неравенства среди россиян в результате экономических реформ 1992–1993 гг. ускорил процесс поляризации населения, а финансовый кризис августа 1998 г. однозначно акцентировал остроту социальной напряженности.

Социальное неравенство есть результат неравного распределения экономических благ. Неравенство характеризуется неравномерным распределением дефицитных ресурсов общества – денег, материальных благ, власти, образования и престижа – между различными стратами или слоями населения. При этом выстраивается шкала неравенства, показывающая социальное строение социума.

От более или менее монолитного советского общества в 1990-е гг. не осталось и следа. Либеральные реформы Б.Н. Ельцина создали совершенно новую структуру российского общества. Особой вехой здесь стали два ключевых для социальной истории современной России события: приватизация 1992 г. и дефолт 1998 г. Это были два исторических судьбоносных события в корне изменившие социальное лицо современной России.

Социальная однородность была политической целью Советского государства, которой ему, во многих отношениях, действительно удалось достичь. Социально-политическая структура российского общества в 1990-е гг. выростала не из сложных социальных структур средневековья, не в процессе постепенного приобщения к политической жизни все новых и новых слоев населения, отвоёвывающих себе право на политическое участие. В наследство от советской власти россияне получили социум, поделенный на две неравные части: «*трудящихся*» (т.н. «советский народ», лишенный собственности, но обладающий формальными политическими правами) и «*номенклатуру*» (контролирующую каналы распределения государственных ресурсов и доступ к власти).

Как показывали тенденции начала 1990-х гг., размежевание происходило на базе очень быстро формирующегося имущественного неравенства – было зафиксировано слияние номенклатурной и теневой собственности «на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры» [5, с. 290–291]. «Советский народ» при этом остался практически в прежнем положении. Но даже и в таких условиях его, видимо, все же можно сравнить с тем самым средним слоем западных демократий, который за послевоенный период стал намного более однородным. Российское большинство, в отличие от западного, жило в бедности, но также состоит из людей работающих и также отделено и от маргиналов, и от элиты.

Система социальной стратификации современного общества выглядят крайне запутанной и противоречивой. Положение совсем усугубляется, когда мы добавим к

этому еще и укоренившееся в общественных науках стереотипы восприятия этой стратификации – общество меняется быстрее, чем научные представления о нем [2, с. 16].

В 1990-е г. существовало несколько вариантов деления россиян по уровню материальной обеспеченности. Согласно одним из них, на вершине общества находится узкий слой богачей – 3 %, слой средне обеспеченных составляет 7 %, бедные – 25 %, нищие – 65 %. По другим подсчетам, слой богатых охватывает 3–5 % населения, средне обеспеченных – 12–15 %, бедных – 40 %, нищие – 40 %. По официальной статистике, люди с доходом ниже прожиточного минимума (в декабре 1993 г. он равнялся 42 тыс. руб.) составляли 27 % населения России [4, с. 10]. Все варианты подсчетов показывают, что в стране неуклонно шел процесс имущественной поляризации населения и массового обнищания.

Социальная наука давно уже установила зависимость уровня дохода от принадлежности индивида к той или иной социальной страте. В середине 1990-х гг. российская социология эту зависимость классифицирует следующим образом.

«Богатые» (не более 1,5 % населения): «высший высший слой» – совокупный средний доход свыше 50 тыс. долл. в месяц на семью из 4 человек; «средний высший слой» – доход 25–50 тыс.; «низший высший слой» – 10–25 тыс.

«Средний класс» (около 25 % населения): «высший средний слой» – доход 5–10 тыс. долл.; «средний средний слой» – доход от 2–2,5 тыс. до 5–6 тыс.; «низший средний слой» – доход от 1 тыс. до 2–2,5 тыс. долл.

«Бедные» (примерно 70 % населения): «высший низший слой» – от 450–500 до 1 тыс. долл. на семью; «средний низший слой» – от 150 до 450–500 долл.; «низший низший слой» – на уровне и ниже прожиточного минимума, т.е. ниже 150 долл. на семью [3, с. 36].

Данная схема весьма условна, поскольку относится ко времени предшествующему кризису августа 1998 г. После указанного рубежа, приведенные выше цифры должны быть существенно пересмотрены в сторону понижения.

Уровень социального неравенства в России в 1990-х гг. находился на отметке 12–13 (в СССР он не превышал 5, в Швеции – 6). Это свидетельствовало об углубившемся в эти годы разрыве между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества [7, с. 6].

Российская социология этого периода отмечала, что «большинство российского населения стало равным в бедности и сильно зависимым от государства (задержки с выплатой зарплаты, отсутствие частной собственности у большинства населения и т.д.), сужается пространство индивидуальной свободы и прав (скажем, право на труд серьезно поставлено под угрозу); более 1/3 населения страны едва в состоянии удовлетворить свои основные потребности, а еще 1/3 находится на границе бедности. Речь идет просто о выживании» [8, с. 9].

Модель социальной стратификации России 1990-х гг. обычно представлялась в виде пирамиды с заостренной вершиной (правящая элита и богатые – примерно 3–5 % населения), слабовыраженной средней частью (формирующиеся средние слои – предприниматели, менеджеры, фермеры и проч., примерно 12–15 % населения) и довольно широким основанием бедных и беднейших слоев трудящихся (почти 80 %). Эта модель являлась приблизительной, так как не отражала маргинальные, промежуточные слои, а также процесс расслоения внутри конкретных социальных слоев.

Аналитики 1990-х гг. признавали, что социальное расслоение российского общества существует, и оно было гораздо выше, чем демонстрировала официальная статистика тех лет. Эта картина была далека от упрощенной схемы двухполюсного общества с зоной бедности и полюсом богатства. Основная масса российского населения находилась между этими полюсами бедности и богатства.

Это время ознаменовалось попыткой создания идеологии рыночных реформ. Идеологи гайдаровских реформ (Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Бурбулис и др.) планировали создать в России рыночную экономику и частного собственника. Они полагали, что «рыночная экономика – это гарантия не только эффективного использования средств, ресурсов, основных фондов и так далее, но также и гарантия свободы общества и независимости граждан». Уже в разработках 1990-х – начала 1991-х гг.

Е.Т. Гайдар зарекомендовал себя сторонником «шокотерапии» [1]. Придя к власти в конце 1991 г. он приступил к реализации своих казалось бы тогда амбициозных проектов.

Гайдаровская «шокотерапия» представляла политику быстрого перехода от командно-административной к рыночной экономике и радикальные методы борьбы с инфляцией и бюджетным дефицитом, направленные на стабилизацию экономического развития. Теория «шоковой терапии» исходила из предположения, что рыночные отношения являются единственным средством преодоления пороков огосударственной экономики и что столбовая дорога к ним лежит через свободное ценообразование. Эти идеи и составили костяк «гайдарономики», положенной в основу внутренней социально-экономической политики.

Согласно их плану рыночная экономика требует раздробленности частной собственности: «Если собственность раздроблена между множеством владельцев, ни один из них не имеет исключительного права и физической возможности командовать остальными, определять размеры их личных доходов или уровень общественного положения... – писал в своем программном манифесте «Что такое приватизация?» А. Чубайс – Ничьи взгляды не являются доминирующими и тем более обязательными для окружающих. Это просто невозможно сделать: вся власть частного собственника над остальными людьми заключается в том, что он может (или не может) предложить потребителям лучшие условия, чем его конкуренты» [8].

Примерно о том же и в той же риторической редакции писал о рынке и Г. Бурбулис: «Социально-экономическая цель реформы... может быть выражена так: создать институт частной собственности. Люди должны жить в обществе, где они могут приобрести и свободно, без страха владеть любой частной собственностью. Опыт истории учит: ничего больше, соответствующего природе человека, за последние 10 тысяч лет не придумано. Строй не идеальный, но нормальный» [6, с. 25].

При этом необходимо создать правовое государство, т.е. условия для реализации рыночных реформ. Однако вскоре выяснилось, что в целом либеральная идеология российских реформаторов на деле стимулировала развитие не мелкой и средней частной собственности, а необыкновенную концентрацию капитала в руках небольшой кучки лиц, сумевших использовать приватизацию в своих личных (эгоистических) целях. Либеральная реформа в столкновении с реальным диким капитализмом потерпела полное фиаско, но о своем поражении трусливо предпочитала не говорить.

Обращает на себя внимание тот факт, что сказанные идеологами либеральных реформ слова о рынке и частной собственности как выяснилось позднее касались не всего российского общества, а только той ее части, которую в скором времени стали называть «олигархами». Если либералы 1990-х гг. (Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Бурбулис, а позже – Б. Немцов и С. Кириенко) имели в виду именно это, то их реформы, несомненно, удались. Но тогда их идеология вовсе не либерализм, а они всего лишь «политические лицемеры», временщики российской политической истории того времени. История начала XXI столетия уже осудила этих политиков, хотя суды российского народа и российской юстиции все еще молчат.

Правительство Е.Т. Гайдара вошло в новейшую историю России как правительство праворадикальных реформ. Именно на это время (1992–1993 гг.) приходятся «голодные годы» с многолюдными очередями за хлебом и колбасой, пустыми прилавками и гиперинфляции – прямым наследием недавнего Советского прошлого. Развал российской экономики после распада СССР привел к тому, что уровень промышленного производства к началу 1995 г. составил 56 % от уровня 1991 г. Все заявления власти о проведении либеральных реформ без снижения жизненного уровня граждан или о стабилизации экономики к осени 1992 г. оказались, мягко говоря, недостоверными. Реформы проводились весьма жестко и не всегда адекватными средствами.

В 1992-м власти считали, что сформированный уровень бедности сохранится на год, максимум на полтора. Но жизнь складывалась таким образом, что эта черта бедности без изменения просуществовала до 2000 г. Уровень жизни, при котором 70 % доходов тратится на питание, – это самая настоящая нищета. Всем было ясно, что нельзя сохранять эту черту бедности. И в 2000 г. была разработана новая методика

построения прожиточного минимума. Он был фактически увеличен на 20 %. В результате чего вес продуктовой корзины в расходах в 2000-м стал равен 50 %.

Еще одной серьезной проблемой, усугубившей и без того печальное состояние социальной обстановки в России, стала безработица. Резкое ухудшение социальной обстановки в России повлияло не только на снижение качества жизни, но и на ее продолжительность: в трудоспособном возрасте в России 1990-х гг. умирало более 50 % мужчин и 12 % женщин.

Социальная структура Российского общества 1990-х гг. уникальна и во многом уже неповторима. Российское общество раскололось на три неравномерные части – «богатых», «бедных» и «средних». При этом первые составили ничтожное меньшинство, вторые практически приблизились к своему абсолютному большинству, а третий («средний класс») так практически у нас в это время и не оформился.

В качестве камуфляжа этих социальных перекосов власть активно насаждала в это время свои новые политические мифы – миф о свободе рыночных отношений, миф о гражданском обществе в России и миф о среднем классе. Общество, в общем, поддерживая либеральную идеологию правящего класса, в целом весьма критически было настроено относительно проводимой государством социальной политики. Этот социально-политический парадокс 1990-х гг. так и остался мало кем исследованным в отечественной исторической и политической науке. Историки и политологи так и не ответили внятно на вопрос о том, как и почему в одном из самых богатых стран мира, столько его граждан проживает за или около черты бедности?

Какими бы причинами ни был обусловлен переходный кризис в современной России, его особые, большие, чем в прочих странах, глубина и тяжесть не вызывают сомнений. В связи с этим кризисом потенциал прогресса, обусловленный устранением государственного социализма, реализуется пока лишь в ограниченной степени. Наоборот, последствия спада производства (на треть или половину) и нарушения привычных порядков ощущаются самым непосредственным образом. В результате вместо повсеместного улучшения и подъема уровня благосостояния происходят более чем противоречивые перемены. Одни составляющие жизненной обстановки улучшаются, другие – ухудшаются, третьи – остаются неизменными. Бесспорно, раздвигаются рамки политической, мировоззренческой, религиозной свободы и терпимости, свободы труда, потребительского выбора и бытового поведения. В некоторых отношениях возросло фактическое потребление массовых групп населения: большинство носит лучшие одежду и обувь, почти в каждом доме появились цветные телевизоры, телефонизация охватила половину горожан, загородные домики и личный автомобиль вошли в быт каждой третьей-четвертой семьи. Но одновременно в полтора-два раза понизилась оплата труда основной массы наемных работников, возникла безработица, ухудшилась структура питания, резко сократились привычные возможности отдыха, приобщения к активным, нетелевизионным формам досуга и культурного потребления. При этом кажется, что в целом воздействие на условия жизни подавляющей части населения понижающих факторов пока что превосходит влияние факторов, повышающих благосостояние.

Список литературы

1. *Гайдар Е.* В начале новой фазы / Е. Гайдар // Коммунист. – 1991. – № 2.
2. *Ильин В. И.* Социальная стратификация / В. И. Ильин. – Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1991. – 221 с.
3. *Лепехин В. А.* Стратификация в современной России и новый средний класс / В. А. Лепехин // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 36.
4. *Осипов Г. В.* Россия: надежды и прогнозы / Г. В. Осипов // Социально-политический журнал. – 1994. – № 3–6. – С. 10.
5. *Радаев В. В.* Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – С. 290–291. – 235 с.
6. *Розинский И.* Приватизация, фондовый рынок и перспективы «директорской модели» / И. Розинский // Российский экономический журнал. – 1993. – № 4. – С. 25.
7. *Руткевич М. Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе / М. Н. Руткевич // СОЦИС. – 1998. – № 6. – С. 6.

8. Чубайс А. Что такое приватизация? / А. Чубайс // Известия. – 1992. – 28 сент.

**РОЛЬ НАРОДНЫХ ЧТЕНИЙ
В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ
В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XIX в. (на примере г. Астрахани)**

**О.А. Чапурина
(г. Астрахань)**

В статье рассматривается одна из популярных форм просветительской работы либерально настроенной общественности России в конце XIX в. – организация народных чтений. Русское общество провинциальных городов, в том числе и в Астрахани, считало одной из своих главных задач просвещение и образование населения. Именно развитие человеческой личности было главным залогом успеха либеральных преобразований, начатых реформами 1860–1870 гг. В статье рассматривается деятельность астраханской комиссии народных чтений, анализируются ее успехи и причины закрытия.

Ключевые слова: либерализация общества, народные чтения, процесс образования, астраханская комиссия народных чтений.

In this article is considered one of the most popular forms of education for liberal-minded public in Russia in the late XIX century – the organization of national readings. Theme remains actual in connection with processes taking place in a society reformation, based on principles of liberalism. The purpose of the article – is show that Russian society of provincial cities, including Astrakhan, considered as one of the main tasks education of population. Development of the human person was the main keystone to success of liberal transformations. The article reviews the activities of the Astrakhan commission national readings, analyzes the successes and the reasons for the closing.

Key words: society liberalization, national readings, formation process, the Astrakhan commission of national readings.

Со второй половины XIX в. в либерально настроенных кругах общества стало возрастать число людей, посвящавших свой досуг общественной работе, направленной на развитие просвещения. Их силами создавались бесплатные школы, больницы для бедных, открывались театры и библиотеки, организовывались народные чтения.

Одним из популярных у отечественного либерального движения методов народного просвещения в XIX в. становится организация народных чтений. Чтения позволяли вовлечь в процесс образования сравнительно большое количество людей, при этом дать им не только новые знания, но и (что было особенно важно), способствовали активизации мыслительной деятельности человека, учили его высказывать свое мнение и дискутировать, – качества незаменимые для формирования самоуправления в городе.

В Астрахани организацией народных чтений занималась Астраханская комиссия народных чтений (АКНЧ). Популярность данного явления возрастала с каждым годом. О чем свидетельствуют материалы архива. Так, в 1886–1887 гг. чтения посетили почти 15 тыс. человек, что в 2 раза больше, чем в предыдущем 1885 г. При этом, собрания посещали различные слои населения: и городская беднота, и купечество и интеллигенция [15].

Детальное выяснение социального состава и уровня образования посетителей народных чтений невозможно ввиду того, что комиссия регистрировала лишь количественные показатели: общее количество присутствующих и число посетителей обоих полов. Сведения о сословной и возрастной принадлежности посетителей народных чтений представлены лишь общими умозрительными выводами составителей отчетов и обозревателей местных газет. Так, корреспондент Астраханского вестника на страницах газеты отмечал, что «по своему составу публика... отличается большим разнообразием: тут вы встретите и интеллигента, и человека среднего достатка, и представителя городской бедноты; тут вы заметите и безусого юношу, и древнего старика, а также представительниц прекрасного пола всех сословий и возрастов» [3].